

Litera

Правильная ссылка на статью:

Ян Ц. Изображение русского народа в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского // Litera. 2024. № 7. С. 197-203. DOI: 10.25136/2409-8698.2024.7.71237 EDN: SUMVZB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71237

Изображение русского народа в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского

Ян Цзинхун

ORCID: 0009-0000-7340-7184

кандидат филологических наук

аспирант; кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Лебедева, Ленинские горы, д. 1, Главное здание МГУ, корпуса Е

✉ yangj@my.msu.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2024.7.71237

EDN:

SUMVZB

Дата направления статьи в редакцию:

11-07-2024

Дата публикации:

28-07-2024

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу образа русского народа в русле почвеннической идеологии и его христианской символики в «Преступлении и наказании». Объектом исследования стали народные образы в романе, предметом – народная сцена и система образов как средства художественного выражения нравственного идеала Достоевского. Материалом исследования являются роман «Преступление и наказание», а также художественные, публицистические и эпистолярные произведения писателя, отражающие его взгляды на национально-религиозную проблематику. Целью исследования являются выявление ассоциативных связей народных образов и основных сюжетов и воплощение идей почвенничества и проблемы народности Достоевского в образах русского народа. Особое внимание

уделяется проблемам народа и народной религиозной культуры, отраженным в образах русского народа. К методам исследования относятся анализ, синтез, обобщение, индукция, описание, культурно-исторический и сравнительно-типологический методы. Научная новизна исследования заключается во впервые проведенном комплексном анализе образа народа в творчестве писателя с идеологической и мифологической точки зрения. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что созданные Достоевским образы народа исполнены глубокого смысла, а голос народа влияет на развитие сюжета и судьбу главного героя. Дихотомия русского народного характера раскрывается через противопоставление двух Миколок: с одной стороны, благочестие, стремление к покаянию и жертвенности, с другой – жестокость, грех и забвение Бога. Достоевский отмечает, что испорченность и развращенность части народной почвы не могут отменить основы православной культуры, заложенные в народном сознании. Русскому народу суждено взять на себя мессианскую роль для спасения всего человечества. Практическая значимость заключается в возможности использования результатов работы при исследовании творчества Достоевского в вузах.

Ключевые слова:

Достоевский, Преступление и наказание, русский народ, православие, нравственность, почвенничество, народность, духовность, вера, раскол

В 1860-е годы отношение Достоевского к народу и народной жизни претерпевало решающий поворот. Увидев глубину духовной почвы в народе, его самостоятельную культуру и силу веры, Достоевский был воодушевлен идеями «народного православия» и поставил их в центр своей идеологии. Естественно, что в «Преступлении и наказании», как одном из важнейших произведений Достоевского этого периода, не могла не отразиться специфика мировоззрения и самосознания русского народа. Народные образы в романе имеют не только индивидуальное значение, но и символическое и религиозно-метафорическое значение, тесно связанное с темой раскола и мифом о земле.

Как показывает А. Б. Криницын, «бесконечная и часто алогичная изменчивость характеров большинства персонажей и переплетение множества сюжетных мотивов, многозначных до неопределенности», составляют главные черты поэтики Достоевского [7, с. 139]. Действительно, персонажей произведений Достоевского часто нельзя понимать просто как конкретных личностей в реальном обществе, а скорее как носителей определенных философских доктрин, религиозных убеждений или моральных представлений. Судьба героев представляет собой окончательный выход из ситуации столкновения и пересечения множества теорий. Когда внутренний мир героев осознается как поле битвы, начинается борьба между добром и злом, верой и неверием, христианским гуманизмом и индивидуалистическим своеволием, христианскими моральными концепциями и утилитаризмом. Народные персонажи часто появляются в якобы незначащих событиях, которые переплетаются с основным сюжетом романа, и они пробуждают в личности Раскольникова скрытые психоэмоциональные силы, заставляющие его сопротивляться идеям, идущим от логики холодного разума.

Хотя описание народа в романе занимает лишь небольшое пространство, представляемые им социальные проблемы и морально-психологические состояния не только демонстрируют многообразие и сложность характеров героев Достоевского, но и углубляют понимание основных проблем романа. Как предполагает Г. А. Мейер, в

«Преступлении и наказании» Достоевского «нет второстепенных персонажей, все там значительно, все связано друг с другом изнутри, и совсем не случайно» [8, с. 396]. Целостное осмысление народной проблематики предусматривает исследование произведения в нескольких направлениях: во-первых, выявление ассоциативных связей народных образов и основных сюжетных линий и толкование их; во-вторых, анализ образов из русского народа с идеологической и мифологической точки зрения; в-третьих, изучение воплощения идей почвенничества Достоевского в образах русского народа.

Как следует из семантики самого имени, Раскольников «расколот» и «своеволен» в мышлении. Он обитает духовно в двух мирах: в мире образованных сословий (исповедующих позитивизм и рационализм) и мире мифологического сознания русского народа (народное христианство, приближавшееся к древним языческим верованиям Руси). Если игнорировать внутренний монолог главного героя, который доминирует в развитии сюжета, нетрудно обнаружить скрытый между строк голос русского народа. Например, Раскольников сталкивается с пьяным мужиком; он проходит мимо нищих уличных музыкантов и мелких торговцев. Он становится свидетелем попытки простой женщины покончить жизнь самоубийством. Он дает деньги молодой проститутке и получает милостию от купчихи. Когда он наконец решается на явку с повинной, ему приходится пройти через группу крестьян, чтобы добраться до участка. Служанка Настасья появляется во время его болезни и тяжелого бредового сна в ночь после убийства, а также во время визитов его матери, сестры и Сони. Едва слышный «народный глас» выполняет особую функцию в жанровой структуре романа, который генетически связан с хором древнегреческой трагедии. Народная мировоззрение активно вмешивается в развитие романного сюжета, поскольку десятки малозначимых персонажей оценивают действия героя, интуитивно осуждая его поступки. По наблюдению Р. Г. Назирова, «на всем протяжении действия Раскольников окружен океаном народного морального сознания. Не только Соня, но и множество случайных голосов из уличной толпы опровергают его “идею” и мощно влияют на его судьбу. Уличная толпа играет исключительную роль: она дана в действии, участвует в развитии сюжета, порою напоминая хор античной трагедии» [10, с. 104].

Наиболее символичными народными типами в «Преступлении и наказании» являются два Миколки – Миколка из первого сна Раскольникова и Миколка-красильщик (Дементьев Николай). Они представляют собой двойников-антиподов, которые рассматриваются как проекция двойственности сознания главного героя романа. Как подчёркивает Б.Н. Тихомиров, «только взгляд на двух Миколок как на полярные проявления народного духа дает ключ к истолкованию художественной функции этого имени в романе. <...> Двойственный, двоящийся, двуединый образ Миколки в “Преступлении и наказании” – ключ к постижению “незавершенной и нерешенной” (Бахтин) души России» [13, с. 111]. Действительно, полярные выражения национального характера в образах двух Миколок в определенной степени необходимы для понимания общей духовной картины русского народа.

Во сне Раскольникова о лошади пьяный мужик Миколка с садистской жестокостью забивает до смерти старую «ненужную» лошадь. Грубая жестокость и простая, ненавязчивая вера делят сон на две части. С одной стороны, Миколка и поддерживающие его пьяные мужики, а кабак – символ неверующего, грешного и развращённого мира, с другой – церковь, старик, который пытается упрекнуть Миколку, невинная и умирающая лошадь и мальчик, плачущий из-за того, как стал свидетелем

злодеяний. Поведение Миколки – это психологическая проекция внутренней веры Раскольникова в сверхчеловеческую философию, верят в свое превосходство над другими существами и их объединяет одно и то же неверие (без креста). Не случайно Миколка дважды был обвинен народной толпой: «Креста на тебе нет». За словами «Не трожь! Мое добро! Что хочу, то и делаю» – стоит зеркальное отражение теории Раскольникова о «тварях дрожащих» и «право имеющих» [4, т. 6, с. 48]. Это символизирует сознательное неприятие Раскольниковым креста, а также подразумевает, что Раскольников позже так же жестоко зарежет старуху-процентщицу и его сестру, которых он считал бесполезными для общества. Маленький Родион во сне подразумевает, что в человеческой натуре Раскольникова всё ещё заложена доброта. А идея «сверхчеловека» и жестокая социальная среда вызвали отчуждение человечества – кто-то стал чертовски холодным Миколкой, а кто-то – несимпатичными зрителями, которые громко смеялись и присоединялись к веселью.

По мнению Т. А. Касаткиной, Раскольников «одновременно и "лошаденка", и убийца-Миколка, требующий, чтобы запряженная в непосильную для нее телегу лошадка "вскочь пошла". Это его дух, своевольный и дерзкий, пытается принудить его натуру, его плоть сделать то, чего она не может, что ей претит, против чего она восстает» [6, с. 193]. С ней невозможно не согласиться, именно сон о лошади заставил Раскольникова осознать, что он убьет, как Миколка, – но не в пьяной ярости, а на основании тщательно выдуманной «рациональной» теории. Можно сказать, что Миколка просветляет сознание Раскольникова. Полная утилитарной логики софистика Раскольникова уже не могла преодолеть его внутреннее нравственное сознание, поэтому он (временно) отказался от своего замысла.

А Миколку-красильщика автор представляет раскольником-сектантом, желающим взять на себя вину за убийство и ограбление для того, чтобы спасти «нигилиста» по фамилии Раскольников. По мнению Г. А. Мейера, «Если Соня Мармеладова — крестовая сестра злодейски умерщвленной Лизаветы, то Миколка — названный брат замученной праведницы, узревшей Бога. <...> Миколка, подобно Соне, проводник спасительных излучений, направленных к Раскольникову от мученически погибшей Лизаветы» [8, с. 81]. Неслучайно Миколка подбирает упавшую коробочку с серьгами и защищает главного героя своим неожиданным признанием от саморазоблачения перед Порфирием Петровичем. Достоевский использовал такое символическое совпадение, чтобы показать общность судеб героев, разделивших ответственность за преступление. В решении раскольника Миколки «пострадать» Порфирий Петрович прозревает дальнейший путь покаяния и спасения Раскольникова: «Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, - если только веру или Бога найдет» [4, т. 6, с. 351]. Как показывает Анджей де Лазари, «Родион не раскольник в прямом смысле слова, но его бунт против господствующих общественных норм и в итоге "принятие страдания", делают из него своеобразного символического старовера» [2, с. 120]. Невиновный человек искупает чужие грехи и страдает добровольно, что является аналогом поведения и духа святых в русской христианской культуре, и это единственный путь для верующих следовать за Христом и спасти себя. Эта концепция по существу является воплощением христианского учения о первородном грехе и падшей человеческой природе. Миколке предстоит нести ответственность не только за одного Раскольникова, но и искупать общие грехи всего человечества. Мир – неделимое целое, каждый несет ответственность за зло в мире, и каждый потенциально может спастись и пережить духовное возрождение.

Как известно, имя и фамилия персонажа у Достоевского нередко служат значащим добавлением к его портрету и всегда полны глубочайшего смысла. «Семантический ореол имени может становиться частью портрета героев Достоевского», построенного «на сочетании реалистической экспрессии и зашифрованной символики» [11, с. 149]. Имя Миколка является народной огласовкой имени Николай, значение которого можно трактовать как "победитель народа" или "народная победа". В русском религиозном сознании оно связано с образом Николая Чудотворца, которого в народе часто называют «лошадиным святым» и считают покровителем урожая, земледелия, защитником и помощником крестьян.

По мнению А.П. Власкина, «образ маляра Миколки обескураживающе "уравновешен" другим народным образом. <...> Это другой лик того же народа, буйного и грешного, забывшего Бога и теряющего человеческий облик» [3, с. 81]. Действительно, одноименность двух Миколок не случайна, они воплощают два «лица» русского народа, народной души и представляют противоположные полюса в народном характере. С одной стороны, это народ набожный, стремящийся к покаянию, жертвенный, с другой стороны, жестокий, грешный, забывший Бога. Как показывает Г. Г. Амелин, «одноименность здесь отражает единосущность, реализует ту же антиномичность "русской идеи", два противоположных момента – "отрицания" и "восстановления" образа Христа» [1, с. 301]. Миколка из сна является олицетворением злой, бессмысленной жестокости, дикости и ярости, а маляр Миколка добрый, безобидный, он наивен и прост сердцем. Два Миколки имеет ощутимую близость с двумя Власами, – «жертвой» и «мучителем» из «Дневника писателя». Генезис образа маляра Миколки восходит к читающему Библию арестанту из «Записок из мертвого дома», который бросился с кирпичом на начальника не для того, чтобы причинить ему никакого вреда, а просто для того, чтобы «пострадать». А в изверге Миколке замечаются жестокость и зверство Газина из «Записок из мертвого дома».

Как показывает Г. А. Мейер, «Раскольников духовно связан с Миколкой-красильщиком и злодуховно с другим Миколкой, насмерть избивающим лошадь» [8, с. 339]. Он колебляется и выбирает между двумя Миколками, то есть между верой и надеждой на искупление у одного и бездной разврата и греха у другого. От Миколки-изверга до Миколки-красильщика символически пролегает путь Раскольникова от убийства к страданию и самопожертвованию. И этот выбор проходит также между Соней и Свидригайловым. Не случайно писатель помещает комнаты Свидригайлова и Сони рядом в одном доме. Сам Раскольников признавался, что ему пришлось выбирать «либо ее путь, либо его путь».

Соня – путь к возрождению главного героя, и этот путь реализуется через соединение оторвавшейся от почвы русской интеллигенции с народным началом. Образ народа, связанного с ее образом, – юродивая Лизавета. Как крестовая сестра невинной мученицы Лизаветы, она является живым воплощением страждущей души Лизаветы и носительницей крестьянской правды. Узнав, что Раскольников убил процентщицу и Лизавету, она неожиданно спрашивает его, «есть на тебе крест», вторя упреку народной толпы в адрес Миколки во сне Раскольникова. Она передала Раскольникову крест, унаследованный от Лизаветы, что сыграло важную роль в том, что Раскольников впоследствии осознал свои грехи и раскаялся, двигаясь к самоочищению и духовному возрождению. Соня не может понять теорию Раскольникова о существовании «высших людей», обладающих правом нарушать нравственные законы, и оценивает преступления Раскольникова с точки зрения народа: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!..» [4, т. 6, с. 321]. Образ Сони также связан с культом Матери-Земли, который

является частью русского национального самосознания и включает в себя народные поверья о силе Земли принимать покаяние и исцелять. Соня считает, что для того чтобы по-настоящему возродиться, Раскольников должен покаяться перед Матерью-Землей и народом: «Поди сейчас, сию же минуту, стань на перекрестке, поклонись, поцелуй сначала землю, которую ты осквернил, а потом поклонись всему свету, на все четыре стороны, и скажи всем, вслух: "Я убил!" Тогда Бог опять тебе жизни пошлет» [\[4, т. 6, с. 322\]](#). Как показывает Н.М. Чирков, «возрождение Раскольникова осуществляется не только через раскаяние перед землей, но и через восстановление органической связи с народом, в результате приобщения к "правде" Сони» [\[14, с. 108\]](#). Однако насмешки народной толпы означали, что Раскольникову в это время еще не удавалось воскресить.

Можно сказать, что путь Сони — это, по существу, путь Лизаветы. Она была неуклюжая, робкая, смиренная и юродивая девка, и даже почти идиотка. В сцене убийства старухи-процентщицы топор направлен лезвием на самого Раскольникова. А в сцене убийства Лизаветы, Раскольников ударит ее лезвием. «Протянутая рука» Лизаветы означает, что она прощает ему грех против нее. Поэтому впоследствии он о Лизавете почти и не думает, «точно и не убивал» [\[4, т. 6, с. 212\]](#). Можно сказать, что неожиданное убийство кроткой Лизаветы сыграло большую роль в решении Раскольникова добровольно принять наказание за свои преступления. Неслучайно Соня убеждена, что Лизавета «Бога узрит». Бог поселял в убийце семена покаяния через убитую Лизавету, кротчайшую, как невинно забиваемая лошадь. Лизавета существовала для того, чтобы посвятить все всем, включая свое тело и даже свою жизнь. По мнению Т. А. Касаткиной, Лизавета является «неоформленной» личностью, «все ее описание состоит из странных, несообразных, неотделанных или "поломанных" черт» [\[5, с. 188\]](#). Наиболее близкими Лизавете по святости и безличностности женскими персонажами Достоевского являются Лиза в «Записках из подполья» и Акулька в «Записках из Мёртвого дома».

А путь Свидригайлова ведет к отчаянию и самоубийству. По судьбе он — Раскольников, не пожелавший покаяться и принять правду своего народа, а его решимость на самоубийство означает его враждебность к Матери-Земле. Помимо собственного, Свидригайлов стал причиной как минимум двух самоубийств: четырнадцатилетней глухонемой девочки и слуги Филиппа, над верой которого Свидригайлов издевался. Народ считал, что Мать-Земля не принимает трупов самоубийц, склонных покидать могилы и причинять вред живым. Свидригайлов отмечает, что призраки его жены Марфы Петровны и его слуги Филиппа посетили его. Он рассказывает, как призрак Филиппа явился ему вскоре после смерти, может быть, чтобы отомстить ему, но он спокойно велел ему уйти, спрашивая, как он посмел предстать перед ним с продранным локтем. А по словам Дуни, Филипп был ипохондриком, домашним философом, который, как говорили, «зачитался», и предполагает, что он покончил с собой скорее в результате насмешек, чем побой Свидригайлова.

Имя Филипп также имеет глубокий замысел, который дословно можно перевести с греческого как «любящий лошадей». В православном контексте Филипп был одним из апостолов Иисуса Христа, известным глубокой верой и преданностью Божьей воле. Злопыхательство и насмешки Свидригайлова в отношении Филиппа предвещают, что для такого циника путь к народной правде и к исцелению верой закрыт. И самоубийство Филиппа также предвещает суицид Свидригайлова.

Служанка Настасья также является одним из важнейших народных образов и символов Матери сырой Земли в «Преступлении и наказании». Она простая, сердобольная деревенская баба, простодушно и бескорыстно заботящаяся о Раскольникове. Перед

преступлением присутствие Настасьи на кухне не позволяет Раскольникову сразу заполучить топор, на который он рассчитывал как на орудие убийства, почти заставляя его отказаться от своего плана. А после совершения злодеяния Раскольников, будто одержимый нечистой силой, видит сон о квартальном Илье Петровиче, который бьет хозяйку. Во сне выражается страх Раскольникова того, что его разоблачат и арестуют. «...Страх, как лед, обложил его душу, замучил его, окоченил его...» [4, т. 6, с. 91]. Пока Раскольников находился в таком невыносимом, безграничном отчаянии и ужасе, появилась Настасья со свечой, и яркий свет озарил его комнату. Она пристально смотрит на испуганного Раскольникова и на его вопрос: «Кто бил хозяйку?» – отвечает, что «это кровь в тебе кричит». Её слова о «крике крови», по мнению Б. Н. Тихомирова, «вполне определенно коррелируют с библейскими словами Бога, обращенными к Каину: "...голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли", — как бы являя собой их простонародный аналог» [13, с. 157]. Это также близко к прямому высказыванию Сони: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!..» [4, т. 6, с. 321]. Слова Настасьи, героини из народа, являются репликой «народного хора» в романе, которые получают скрытый символический смысл. Настасья бессознательно изобличает убийцу, и слова её производят на убийцу поразительное впечатление, словно внезапное обличение. В то же время она заботится о Раскольникове, который пытается прервать все контакты с внешним миром, являя ему возможность возрождения, прощения и воскресения.

Стоит отметить и еще одного эпизодического, но символически очень важного персонажа из народа – мещанина из дома старухи-процентщицы, почувствовавшего по поведению Раскольникова во время его прихода на квартиру к старухе после преступления, что это убийца. Вскоре мещанин приходит к нему на квартиру и говорит не узнавшему его Родиону после долгого молчания: «Убивец!», чем поражает героя немым ужасом в самое сердце. Раскольников долго не может понять, откуда взялся этот неожиданный свидетель «из-под земли». Народная огласовка («убивец», а не «убийца») придает обвинению особый психологический эффект, ибо она, с ощущением интуитивно резкой отрицательной коннотации, звучит безкомпромиссным осуждением, как голос всего «христианского мира», не оставляя места для самооправдания «образованному» преступнику с его «оригинальной» головной теорией. Не менее важно и второе появление мещанина перед героями: донося на него Порфирию, мещанин сидит у него «в секрете» во время психологического «поединка» следователя с Раскольниковым, ради последнего, решавшего «удара» обличения. Затем, когда задуманный следователем театральный эффект срывается из-за прихода Миколки, Раскольников уходит домой необличенным, и тут мещанин снова приходит к нему, на сей раз – с покаянием в злом умысле и кланяется низким земным поклоном. На первый взгляд, это очень странно: ведь мещанин невзлюбил Раскольникова, а после того, что он услышал у Порфирия, должен был окончательно убедиться в правоте своих подозрений. Однако мещанин пожалел убийцу, поняв меру уже испытываемых им страданий и мучений совести, которые приближают его уже к искуплению вины. Не случайно каторжников, по воспоминаниям Достоевского, называли в народе «несчастными». Эволюция отношения мещанина к Раскольникову знаменует собой открытую для него дорогу к спасению. Аналогично изменится отношение к нему каторжников в остроге, когда они почувствуют его раскаяние.

Анализ народных образов в «Преступлении и наказании» дает возможность понять идеи почвенничества Достоевского 1860-х годов. Возвращаясь, по словам Мережковского, «от Христа вселенского к Мессии народному» [9], Достоевский убеждён, что огромную роль играют такие типы из народа, как некрасовский Влас, занимающиеся «делом

божьим». Писатель выступал за то, чтобы по-разному относиться к добродетелям (милостивость, жертвенность и сила покаяния) и недостаткам (насилие, жестокость и алкоголизм) народа. По его мнению, дефекты и загнивание части почвы не означают порчу ее в целом, поскольку вся почва никогда не была затронута и народ сохранил в неприкосновенности духовную основу православной культуры. Писатель верит, что «ведь последнее слово скажут они же, вот эти самые разные "Власы", кающиеся и не кающиеся; они скажут и укажут нам новую дорогу и новый исход из всех, казалось бы, безысходных затруднений наших. Не Петербург же разрешит окончательно судьбу русскую» [\[4, т. 21, с. 34\]](#).

Достоевский считал русский народ единственным «народом-богоносцем». Православие является основой веры и символом традиционного культурного духа русского народа, оказывает решающее влияние на формирование культурного характера и нравственной личности русского народа. Русское православие не пострадало от Возрождения, промышленной революции и движения Просвещения, напротив, оно было интегрировано с общенным коллективизмом и политеистическими идеями, сохраняя большую часть аутентичности и чистоты христианства. В условиях усиления концепции утилитаризма и общего упадка христианства Достоевский твердо верил, что православие является той «панaceaей», которая может спасти Россию, Европу и даже все человечество от всех бед и катастроф. В этом заключалась историческая миссия русского народа. Как показывает Н. И. Пруцков, «все это разные типы, но именно они выражают единую великую нравственную силу русского народа, являются "эмблемой" всей народной России, хранителями красоты лика Христа, а поэтому именно они примером своей самоотверженной жизни, заполненной деятельной любовью, состраданием и самопожертвованием, могут указать путь в грядущее» [\[12, с. 68\]](#). Чтобы спасти свои души и обрести возрождение, русские заблудшие интеллектуалы, такие как Раскольников, должны выбрать путь народа, принять страдания и вернуть утраченную веру.

Итак, в «Преступлении и наказании» вопрос о противоречивом и дуалистическом характере русской души раскрывается через дилемму двух Миколок. И красильщик Миколка, и подобные герои из народа, как Лизавета, Настасья и Филипп, воплощают высшие критерии идеала социально-нравственной правды. А Миколка-извочкик из сна Раскольникова олицетворяет отрицательную сторону русской души – жестокость, насилие и дерзость «переступления» за «последнюю черту» Божьих законов. Реплики «народного гласа» играют важную роль в развитии романного сюжета. Писатель раскрывает существование Бога через возрождение веры, обращение в православие и возвращение к народной правде Раскольникова в конце романа. Бог скрыт глубоко в человеческой природе и проявляется через крещение страданию и трагедией. А русский народ – народ Богоносец. Достоевский верит, что русскому народу суждено служить делу нравственного спасения всечеловечества с широким умом, искренностью и смирением. Благочестие и смирение русского народа как богоизбранного народа являются фундаментальной гарантией выполнения им своей священной исторической миссии осуществления гармонического соединения Востока и Запада. Русская заблудшая интеллигенция должна вернуться на почву народа и объединиться с народом, чтобы добиться духовного возрождения.

Библиография

1. Амелин Г. Г. Лекции по философии литературы: памяти Мераба Мамардашвили. М.: Языки славянской культуры: издатель Алексей Кошелев, 2005. 416 с.
2. Анджей де Лазари. В кругу Федора Достоевского. Почвенничество. М.: Интербук,

2004. 205 с.
3. Власкин А. П. Творчество Ф.М. Достоевского и народная религиозная культура. Магнитогорск: Изд-во Магнитогор. гос. пед. ин-та, 1994. 195 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972–1990. Т. 6. 423 с. Т. 7. 416 с. Т. 21. 551 с.
5. Касаткина Т. А. Характерология Достоевского. Типология эмоционально-ценностных ориентаций. М.: Наследие, 1996. 336 с.
6. Касаткина Т. А. Священное в повседневном: Двусоставный образ в произведениях Ф. М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
7. Криницын А. Б. К вопросу о типизации героев в романах «пятикнижия» Ф. М. Достоевского // Научный диалог. 2016. № 4 (52). С. 128–142.
8. Мейер Г. А. Свет в ночи: (О «Преступлении и наказании»). Опыт медленного чтения. Frankfurt/Main: Посев, 1967. 517 с.
9. Мережковский Д. С. Пророк русской революции: К юбилею Достоевского. Санкт-Петербург: Издание М. В. Пирожкова, 1906. 152 с.
10. Назиров Р. Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1982. 160 с.
11. Назиров Р. Г. Проблема художественности Ф.М. Достоевского // Творчество Ф.М. Достоевского: Искусство синтеза. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1991. С. 125–156.
12. Пруцков Н. И. Достоевский и христианский социализм // Достоевский: материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Т. 1. С. 58–82.
13. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: Книга-комментарий. СПб.: Серебряный век, 2005. 472 с.
14. Чирков Н. М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. М.: Наука, 1967. 303 с.
15. Шестопалова Г. А. «Все замутилось! Где же обетование...»: (Христ. идеи и символы в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание») // Религиозные и мифологические тенденции в русской литературе XIX века. 1997. С. 127–136.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования рецензируемой статьи филологически оправдан, автор обращает внимание на изображение русского народа в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Должная актуализации проблемы дана в самом начале работы: «в 1860-е годы отношение Достоевского к народу и народной жизни претерпевало решающий поворот. Увидев глубину духовной почвы в народе, его самостоятельную культуру и силу веры, Достоевский был воодушевлен идеями «народного православия» и поставил их в центр своей идеологии. Естественно, что в «Преступлении и наказании», как одном из важнейших произведений Достоевского этого периода, не могла не отразиться специфика мировоззрения и самосознания русского народа». Считаю, что указанный проблемный вектор для исследователя объективирован, собственно это доносится и до читателя. Роман «Преступление и наказание» – текст – изученный достаточно серьезно, многие уровни этой классической книги дешифрованы и объяснены. Но и новым проектам место быть, так как они поддерживают неугасающий интерес к первому романному тексту из «великого Пятикнижия». Автору удается балансировать на грани уже сказанного, при этом собственный взгляд конкретизируется без буквальной копии

мыслей. Считаю, что подбор акцентов на критические также филологически точен: это и Р.Г. Назиров, и Б.Н. Тихомиров, и Т.А. Касаткина, и А.П. Власкин, и А.Б. Криницын и другие. Цитаты на сам роман даются в режиме стандарта: например, «а Миколку-красильщика автор представляет раскольником-сектантом, желающим взять на себя вину за убийство и ограбление для того, чтобы спасти «нигилиста» по фамилии Раскольников. По мнению Г. А. Мейера, «Если Соня Мармеладова — крестовая сестра злодейски умерщвленной Лизаветы, то Миколка — названный брат замученной праведницы, узревшей Бога. <...> Миколка, подобно Соне, проводник спасительных излучений, направленных к Раскольникову от мученически погибшей Лизаветы» [8, с. 81]», или «как известно, имя и фамилия персонажа у Достоевского нередко служат значащим добавлением к его портрету и всегда полны глубочайшего смысла. «Семантический ореол имени может становиться частью портрета героев Достоевского», построенного «на сочетании реалистической экспрессии и зашифрованной символики» [11, с. 149]. Имя Миколка является народной огласовкой имени Николай, значение которого можно трактовать как «победитель народа» или «народная победа» и т.д. Не исключается в работе и т.н. литературный контекст, он дает возможность предмет исследования преподнести более фактурно: например, «по мнению Т. А. Касаткиной, Лизавета является «неоформленной» личностью, «все ее описание состоит из странных, несообразных, неотделанных или «поломанных» черт» [5, с. 188]. Наиболее близкими Лизавете по святости и безличности женскими персонажами Достоевского являются Лиза в «Записках из подполья» и Акулька в «Записках из Мёртвого дома» и т.д. Рассуждения по ходу статьи объективны, стиль же соотносится с научным типом: «На первый взгляд, это очень странно: ведь мещанин невзлюбил Раскольникова, а после того, что он услышал у Порфирия, должен был окончательно убедиться в правоте своих подозрений. Однако мещанин пожалел убийцу, поняв меру уже испытываемых им страданий и мучений совести, которые приближают его уже к искуплению вины. Не случайно каторжников, по воспоминаниям Достоевского, называли в народе «несчастными». Эволюция отношения мещанина к Раскольникову знаменует собой открытую для него дорогу к спасению. Аналогично изменится отношение к нему каторжников в остроге, когда они почувствуют его раскаяние». Методология исследования спектральна, проблема воспринимается исследователем многополярно: «целостное осмысление народной проблематики предусматривает исследование произведения в нескольких направлениях: во-первых, выявление ассоциативных связей народных образов и основных сюжетных линий и толкование их; во-вторых, анализ образов из русского народа с идеологической и мифологической точки зрения; в-третьих, изучение воплощения идей почвенничества Достоевского в образах русского народа». На мой взгляд, серьезных фактических нарушений нет, тема работы раскрыта, цель достигнута. Итоги не противоречат основной части. Стоит согласиться, что «в «Преступлении и наказании» вопрос о противоречивом и дуалистическом характере русской души раскрывается через дилемму двух Миколок. И красильщик Миколка, и подобные герои из народа, как Лизавета, Настасья и Филипп, воплощают высшие критерии идеала социально-нравственной правды. А Миколка-извочкик из сна Раскольникова олицетворяет отрицательную сторону русской души – жестокость, насилие и дерзость «переступления» за «последнюю черту» Божьих законов. Реплики «народного гласа» играют важную роль в развитии романного сюжета. Писатель раскрывает существование Бога через возрождение веры, обращение в православие и возвращение к народной правде Раскольникова в конце романа...». Библиографический список полновесен, формальная правка излишня. Материал имеет практический характер, он универсален как для средней, так и высшей школы. Рекомендую статью «Изображение русского народа в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского» к

публикации в журнале «Litera».